

Су Янь стоял посреди двора. Резким движением он потянулся вперёд и сжал пальцы, будто поймал в воздухе нечто невидимое. Эту незримую добычу он опустил в зажатую в левой руке деревянную шкатулку, быстро захлопнул крышку и плотно прижал её ладонью. Затем вытащил бумажный талисман и припечатал его сверху.

— Готово, — выдохнул Су Янь, ставя ящичек на стол.

Шкатулка была прямоугольной, вытянутой с торцов, а её крышка слегка выгибалась дугой. Если присмотреться, в ней нетрудно было узнать очертания крошечного гроба.

На поясе Пэй Цзинсина всё так же покачивался персиковый амулет, подаренный даосом. Заметив, что дело сделано, он подошёл ближе и спросил:

— Если ты заберёшь это с собой, ничего не случится?

— Не беспокойся, — ответил Су Янь, пряча игрушечный гроб в холщовый мешочек. — В Храме Высшего Таинства полно сильных мастеров, оттуда этой твари ни за что не сбежать.

В крошечное узилище он заточил то самое чудовище, что увязалось за Пэй Цзинсином из Западного края три года назад.

Даоси давно обещал помочь товарищу, но из-за поисков Одеяния Сотни птиц, поклоняющихся фениксу, времени на поимку духа совсем не оставалось. Лишь теперь, когда с делом Сяньну было покончено и минуло десять дней затишья, Су Янь отыскал подходящую плашку из старой акации и наведалься в столичную похоронную лавку. Там он попросил старого мастера выточить этот крошечный гроб, способный удержать в себе нечисть.

Пэй Цзинсин облегчённо вздохнул, будто с его плеч свалилась неподъёмная гора:

— Ну наконец-то. Теперь я хотя бы смогу нормально спать по ночам.

Су Янь улыбнулся, отчего на его правой щеке проступила едва заметная ямочка. Аккуратно затянув шнурок на мешочке, он поднял взгляд на собеседника:

— Тварь-то я запер, но персиковый амулет тебе лучше всё равно носить при себе.

За те несколько месяцев, что они знали друг друга, Пэй Цзинсин успел оправиться от былых потрясений и перестал сторониться даосского учения.

Он с улыбкой кивнул:

— Само собой. Амулет, сработанный руками самого великого даоса Су, грех не носить.

Пока они дружески перешучивались, во двор торопливо вошёл дядя Фу:

— Молодой господин, даоси Су, приехал молодой господин Пэй Хуайюй.

Они переглянулись. Ни один из них не понимал, что могло привести сюда юношу в такой час.

После того случая в Императорской частной сокровищнице, когда Пэй Хуайюй по неосторожности едва не переступил порог Жёлтых источников, принцесса Минлан упала в обморок от ужаса. Очнувшись, она посадила сына под строжайший домашний арест и запретила ему даже подниматься с постели.

Лишь пару дней назад, когда Пэй Цюн вернулся в столицу и сумел унять тревоги супруги, юноше наконец позволили выйти в свет. Он тут же собрал слуг и укатил на загородную виллу погреться в горячих источниках. Перед отъездом он звал с собой и Су Яня, но тот был занят поисками древесины для шкатулки и вежливо отказался.

С его ветреным нравом, после стольких дней взаперти он должен был кутить за городом никак не меньше недели. Каким же ветром его принесло обратно так быстро?

Не успели хозяин дома и даос выйти за порог двора, как издалека донёсся звонкий, беззаботный голос гостя:

— Даоси Су! Братец! Бросайте всё, идёте пить вино!

Пэй Цзинсин окинул кузена взглядом. На том набекрень сидела лисья шапка, а дорожная одежда была покрыта пылью — парень явно летел в усадьбу во весь опор прямо из пригорода.

— Ты чего так рано? — удивлённо спросил он.

— Скука смертная на этой вилле, — пожаловался Хуайюй, тут же принимаясь ворчать. — Не знаю, что там стряслось, но по ночам усадьбу охватывает лютый холод. К тому же мне там всякая дрянь снилась. Подумал я, подумал — место-то заброшенное, небось нечисть завелась. Вот и сбежал от греха подальше.

Удивительное дело: человек едва не сгинул на дороге мертвецов, а о призраках рассказывал без тени страха, скорее даже с азартом. Он тут же повернулся к Су Яню:

— Даоси Су, зачем добру пропадать? Может, заглянешь ко мне на виллу, наведёшь там порядок? Я попрошу матушку отсыпать тебе побольше золота!

— Пожалуй, откажусь, — с улыбкой покачал головой юноша. — Зимой на улице слишком холодно, не хочется пускаться в дорогу. Скажи лучше, усадьба твоя велика? И правда ли, что там годами никто не жил?

Хуайюй восхищённо хлопнул в ладоши:

— Даоси Су, ну ты и провидец! Всё верно. Это имение моей матушки, там рядом бьёт несколько горячих ключей. Только глушь там несусветная, да ещё и в горах, матушка туда ни ногой. Сам я навещаюсь от силы пару раз за зиму — в источниках погреться.

— В этом всё и дело, — объяснил Су Янь. — Раз есть тёплые ключи, значит, под землёй таится мощный источник тепла. Для духов и призраков такое место — сущая благодать для самосовершенствования. А поскольку усадьба пустует, её наверняка облюбовали местные твари, устроив там себе обитель.

Хуайюй был из тех людей, кто любит травить байки о чудовищах, но бледнеет, стоит столкнуться с ними наяву. Озорной блеск в его глазах мгновенно угас.

— Вот оно как... — пробормотал он, явно струхнув. — Даоси Су, может, всё-таки съездишь? Прогонишь эту нечисть. Там ведь ещё несколько семей прислуги живёт, вдруг они пострадают?

— Вряд ли, — успокоил его Су Янь. — Твари, занятые духовными практиками, обычно не трогают людей. Причинение вреда живым лишь губит их усердие и портит карму, игра не стоит свеч.

Юноша беспрекословно верил каждому слову даоса, поэтому заметно повеселел:

— Ну и славно, ну и хорошо.

— Однако... — протянул Су Янь, заставив Хуайюя вновь затаить дыхание.

— Что «однако»?

— Однако священнослужителя туда послать всё же стоит, — Су Янь подмигнул собеседнику, призывая не паниковать. — Сами духи зла не желают, но люди, живущие с ними под одной крышей, неизбежно дышат их мертвенной энергией. Если эта холодная инь будет годами копиться в теле, то к старости все хвори разом вылезут наружу.

— Понял! Сделаем как скажешь, — тут же закивал Хуайюй. — Сейчас же отправлю слуг в Храм Высшего Таинства, пускай пришлют кого-нибудь.

Слова у него не расходились с делом. Он кликнул ожидавшего у ворот слугу и велел немедля

скакать к даосам, чтобы те выделили четырёх-пятерых человек для осмотра горного имения.

Разобравшись с делами, Хуайюй расплылся в улыбке и повернулся к спутникам:

— Так на чём мы остановились? Ах да, вино! Даоси Су, братец, Башня Дукана стояла закрытой на ремонт больше двух месяцев. Вчера они наконец открылись. Пойдёмте заглянем, оценим обстановку? Даоси Су, ты ведь там ещё ни разу не был?

Пэй Цзинсин уже собирался отказаться, но, услышав последнюю фразу, вопросительно взглянул на Су Яня.

Оказавшись под прицелом двух выжидающих взглядов, даос признался:

— Действительно, бывать там не доводилось.

Поняв, что дело пошло на лад, Хуайюй зачастил:

— Вот и отлично! Я уже услал человека занять столик. Стоит нам прийти, как на столе сразу появится горячее вино!

Даос не отличался тягой к хмельному, но, будучи человеком на редкость теплолюбивым, не мог отказать себе в удовольствии отведать зимой обжигающего мясного варева под кувшинчик подогретого вина. Поразмыслив, он не нашёл причин для отказа и кивнул:

— Что ж, идёмте.

Раз согласился Су Янь, Пэй Цзинсину тоже пришлось уступить.

Хуайюй так и просиял от гордости. Шутка ли — его кузен славился среди столичных гуляк поразительным домоседством. Если бы не служба, этот вояка безвылазно сидел бы в четырёх стенах, точно благовоспитанная девица на выданье. А тут вдруг посреди зимы согласился пойти с ним в трактир! О таком подвиге Хуайюй собирался хвастать перед приятелями по меньшей мере три дня.

Цзинсин переоделся в простую одежду. Собираясь на дружескую попойку, он оставил дома и верный меч Хэн, и заветное семейное Копьё Драконьей головы и Тигриного клыка.

Су Янь же, поосторожничай, решил не оставлять в усадьбе мешочек с запечатанной тварью. Хоть заклятие и держало её крепко, но своя ноша у тела надёжнее. Снарядившись персиковым мечом и закрепив на поясе холщовую суму, он поднялся в экипаж Хуайюя, ожидавший у ворот.

Из всей троицы Хуайюй, завсегдатай столичных увеселений, сиял ярче всех. Забравшись в карету, он уселся тохонько посередине. Не будь его спутники мужчинами, он бы наверняка вообразил себя султаном в окружении наложниц. Из-за избытка чувств он, и без того без умолку трещащий, заговорил с утроенной силой.

Пока повозка катилась по мостовой, он успел поведать о ремонте Башни Дукана, порассуждать о происхождении самого этого имени и прочесть целую лекцию по истории виноделия, то и дело перебивая самого себя пикантными анекдотами из жизни древних поэтов и мудрецов. Бог весть, откуда он набрался этих басен — вычитал ли в старых свитках, наслушался ли в чайных уличных зазывал или попросту выдумал на ходу.

Цзинсин давно притерпелся к болтовне кузена. Он сидел неподвижно, уставившись перед собой, и пропускал весь этот словесный поток мимо ушей — примерно так же, как весной не замечают назойливый щебет воробьёв за окном.

А вот Су Яню повезло гораздо меньше.

Пользуясь правами хозяина экипажа, Хуайюй втиснулся аккуратно посередине. Сурового, вечно хмурого кузена он побаивался, зато к даосу, дважды спасшему ему жизнь, питал самую искреннюю симпатию. Неудивительно, что весь напор его красноречия обрушился именно на несчастного юношу.

Су Янь, хоть и считался начитанным, черпал знания из книг, строго отобранных его наставником. Кое-что он, конечно, почерпнул из легкомысленных романов о любви заезжих школяров и речных дев, которыми зачитывались знакомые хуские девицы да оборотни-моллюски, но подобные труды едва ли могли подготовить его к столь подробному экскурсу в историю хмельного.

Монотонный гул колёс, шуршание дорожной пыли и бесконечное журчание голоса Хуайюя вскоре убаюкали Су Яня, погрузив его в сладкую полудрёму.

Когда терпение даоса уже готово было лопнуть, повозка наконец остановилась.

Хуайюй замолчал с явным сожалением:

— Эх, на самом интересном месте! Ничего, даоси Су, поднимемся в отдельный кабинет — там и продолжим.

Су Янь только-только вздохнул с облегчением, радуясь спасению, но от этой угрозы у него подкосились ноги. Спускаясь со ступеней экипажа, он покачнулся, и если бы не Цзинсин, вовремя подхвативший его за локоть, даос непременно полетел бы кувырком на мостовую.

Хуайюй истолковал эту неловкость по-своему и тактично расхохотался:

— Даоси Су, да не торопись ты так! Я же говорю, столик заказан, без места не останемся!

Глядя на его простодушную ухмылку, Су Янь мог лишь выдавить из себя беспомощную улыбку.

Цзинсин, не выдержав этого зрелища, сурово прикрикнул на брата:

— Да замолчи ты уже наконец! Пришли отдохнуть, а от тебя одна головная боль.

Хуайюй картинно обиделся. Спрыгнув на землю, он обошёл Су Яня с другой стороны и, прячась за плечом даоса от грозного кузена, скорчил тому забавную гримасу:

— Ну и ладно! Не нравится — мог бы дома остаться.

Цзинсин лишь безнадежно вздохнул и, смирившись с неизбежным, молча последовал за неугомонной парочкой на второй этаж.

Едва завидев Хуайюя, трактирный слуга расплылся в подобострастной улыбке и поспешил навстречу:

— Господин Пэй, наконец-то! Ваш кабинет давно готов, прошу пожаловать.

Юноша тоже признал знакомца:

— О, Вэньмин! Что это на тебе за наряд веселенький? Гляжу, одёжка совсем новая. Неужто твой хозяин расщедрился и перестал жадничать?

— Будет вам потешаться, господин Пэй, — уклонился от ответа Вэньмин, увлекая гостей вверх по лестнице.

Знатным господам закон не писан, они вольны насмехаться над кем угодно, но простому слуге поддакивать в таких делах не пристало — не ровен час, хозяин узнает и сдерёт три шкуры. Он вежливо отворил перед ними двери отдельного покоя и подал свежий чай.

Вэньмин принялся запевать меню, скороговоркой перечисляя лучшие блюда заведения.

Су Янь очутился здесь впервые, Цзинсин заглядывал по большим праздникам, так что заказ пришлось делать Хуайюю. Он со знанием дела велел первым делом подогреть кувшин лучшего синфэнского вина, подать к нему солёных орешков для аппетита, а на горячее — принести кипящий котёл с нежной бараниной, добавив к ней заячьего мяса, рыбных шариков и свежего шпината.

Вэньмин обернулся в мгновение ока: на столе исходил паром кувшин с вином и пестрели тарелки с закусками. Отправив слуг и кучера ужинать в общий зал на первом этаже, Хуайюй велел не беспокоить их без надобности.

Однако стоило им пригубить горячее питьё, даже не коснувшись палочками еды, как дверь кабинета бесцеремонно распахнулась. На пороге стоял человек, чьё лицо было им до боли знакомо — Ню Чуньхуэй.

<http://bllate.org/book/18419/1866460>